

УДК 81.42

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/39/43>

МИФОЛОГО-РЕЛИГИОЗНЫЙ ТЕКСТ С ПОЗИЦИЙ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

©Галиева М. Р., канд. филол. наук,
Узбекский государственный университет мировых языков,
г. Ташкент, Узбекистан, margarita22@mail.ru

RELIGIOUS-MYTHOLOGICAL TEXT FROM THE POSITION OF PRECEDENCE

©Galieva M., Ph.D., Uzbek State University of World Languages,
Tashkent, Uzbekistan, margarita22@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема прецедентности мифолого–религиозного текста и его основных характеристик. Мифолого–религиозный текст относится к ядерному типу сильных текстов, что обусловлено его вневременной аксиологической ценностью как для мировой, так и национальной культуры. Мифолого–религиозный текст обладает как когнитивной, так и лингвокультурологической значимостью. Выступая в качестве источника прецедентности и репрезентируясь в художественном тексте на основе механизма интертекстуальности посредством аллюзии, мифолого-религиозный текст активизирует в сознании читателя структуры знания религиозного характера. Результаты исследования показали, что мифолого–религиозный текст обладает всеми характеристиками прецедентного текста: а) общеизвестностью и хрестоматийностью; б) частотностью воспроизведения; в) реинтерпретируемостью; г) аксиологической значимостью; д) символичностью и образностью; е) национально-культурной спецификой; ж) когнитивной значимостью.

Abstract. The article covers the problem of precedence of religious–mythological text and its main characteristics. Religious–mythological text is characterized by permanent axiological value both for universal and national cultures and this fact conditions its belonging to the core of “strong” texts. Religious–mythological texts are cognitively and linguoculturally significant units. Being a source of precedence represented in the literary text on the basis of mechanism of intertextuality with the help of allusion, religious-mythological text activates in a reader’s mind knowledge structures of mythological and religious character. The results of investigation showed that religious and mythological texts possess all characteristics of precedent text: a) notability and universal character; b) frequent use; c) reinterpretation; d) axiological significance; e) symbolical and imagery character; f) national–cultural specifics; g) cognitive significance.

Ключевые слова: прецедентность, текст, мифолого-религиозный, сакральный, художественный.

Keywords: precedence, text, religious-mythological, sacred, literary.

С позиций синергетического подхода к изучению текста, важным является разграничение текстов на «сильные» и «слабые» [1, 4, 8, 12]. Г. В. Денисова определяет «сильные» как «постоянно востребуемые тексты, получившие статус значимых в культуре в определенный исторический момент» [4, с. 128]. По мнению Н. А. Кузьминой, рассматривающей интертекстуальность как своеобразный энергообмен, «сильные» тексты

обладают большой энергоемкостью, т.к. «чем более востребован какой-либо текст, тем больше энергии он отдает» [8, с. 50].

Критериями отнесения того или иного текста к «сильному» или «слабому» являются:

- 1) частое обращение к тексту в современных художественных произведениях;
- 2) реинтерпретируемость текста, т.е. его воплощение в отличных от литературы видах искусств (опере, балете, кинофильмах, живописи);
- 3) использование текста не только в художественном, но и в других видах дискурса [5, с. 217; 8, с. 51].

Как отмечает Н. А. Кузьмина, среди «сильных» выделяется группа текстов, формирующих «ядро национальной культуры» и есть тексты, представляющие интерес в течение одного или нескольких исторических периодов. Как подчеркивает исследователь «Ядерные» тексты имеют непреходящее значение, испытаны временем, они не зависят от социально экономических или политических предпосылок» [8, с. 53]. К «ядерным» текстам относятся произведения, представляющие аксиологическую ценность как для мировой культуры (Библия, Коран, мифология), так и для определенной лингвокультуры (например, произведения Шекспира в английской лингвокультуре, А. С. Пушкина в русской, А. Навоий в узбекской).

Мы считаем, что мифолого-религиозные тексты отвечают всем выделенным исследователями критериям и входят в число «сильных» текстов. Во-первых, в современных художественных произведениях часто используются сюжеты, мотивы, образы из мифологии и религиозных книг (Коран, Библия, Веды, мифологические легенды); во-вторых мифолого-религиозные мотивы обладают свойством реинтерпретируемости [4, 5, 8] и находят отражение в различных видах искусства, в частности в живописи, скульптуре, опере, балете; в-третьих мифолого-религиозные тексты используются не только в художественном прозаическом, но и в поэтическом, юмористическом, бытийном дискурсах. Более того, они являются ядерными, т.к. обладают культурной значимостью для многих представителей различных лингвокультур. По своему энергетическому потенциалу они являются своеобразными «донорами» других текстов, что в свою очередь обуславливает их прецедентность.

По длительности своего существования и воздействия на все сферы культуры мифологические и сакральные тексты (Коран, Библия, античные мифы и т.д.), не теряют своего прецедентного значения и бесконечно реализуются во множестве вариантов в различных типах дискурса и искусства, оказывая влияние на всю мировую культуру, что делает их по определению Караулова Ю. Н. фактом культуры [5].

Так, например, как отмечает Н. М. Орлова «библейский прецедентный феномен представляет уникальное образование, способное к бесконечному динамическому варьированию, и может быть определен как динамический конструкт» [9]. Это свидетельствует о мощной энергоемкости данных текстов, которые, питая своей энергией другие тексты, не теряют ни своей актуальности, ни аксиологической значимости. Мифолого-религиозные тексты как прецедентный текст имеют огромное значение в масштабах мировой культуры и являются кросскультурными универсалиями. Мифолого-религиозные сюжеты, мотивы, легенды находят отражение на уровне различных языковых единиц, лексики, словообразования, фразеологии, паремииологии, текста.

Как известно, прецедентный текст определяется как тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее

предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной личности» [5, с. 216]. Феномен прецедентности имеет как лингвокультурологическую, так и когнитивную значимость. С лингвокультурологических позиций, прецедентный текст отражает культурные приоритеты определенной лингвокультуры и особенности ее национального мировосприятия и мировоззрения, что свидетельствует об аксиологической значимости прецедентного текста. С когнитивной точки зрения, прецедентные тексты формируют когнитивную базу лингвокультуры и служат средством передачи через язык «информации о накопленных данной культурой сведений об окружающем мире» [10, с. 152]. Таким образом, прецедентный текст — это тексты, представляющие собой своеобразное культурное хранилище этноса, которые используются в тексте и вступая с ним в интертекстуальные отношения, активируют исторические, культурные, социально-психологические структуры знаний индивида.

Основными характеристиками прецедентного текста, как отмечает Караулов Ю. Н., являются его хрестоматийность и общеизвестность, которые в ряде случаев обуславливают также его реинтерпретируемость, что подразумевает свойство прецедентного текста приобретать новые смыслы, ассоциации и свойство отражаться не только в тексте, но и в других видах искусства (поэзия, живопись, скульптура, опера, балет), что делает их фактором культуры (5, с. 217). Ряд исследователей считает, что сущностными характеристиками прецедентных феноменов являются инвариантность, воспроизводимость, «персонифицированность», эталонность, аксиологическая маркированность. Другими словами, прецедентный текст должен обладать следующими свойствами: 1) известность всем представителям национально-лингвокультурного сообщества; 2) актуальность в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества [6].

Рассмотрим основные характеристики прецедентного текста (общеизвестность, воспроизводимость, реинтерпретируемость, символичность и образность, аксиологическая маркированность, когнитивная значимость) на примере мифолого-религиозного текста, тем самым обосновывая выдвигаемое нами положение о том, что религиозные тексты обладают всеми свойствами прецедентного текста.

Общеизвестность прецедентных текстов мифолого-религиозного происхождения подтверждается результатами работ А. Н. Кремневой [7], Н. М. Орловой [9], В. Л. Буровой [2] и др. Так, легенды о сотворении мира и человека, ситуации братоубийства Каина и Авеля, изгнание из рая Адама и Евы, уничтожение городов Содом и Гоморра, сказания о жизни различных пророков, например Аврааме (Ибрахим), Моисее (Муса), Иосифе (Юсуф), Мухаммаде и др. по степени известности являются универсально-прецедентными, т.е. известными представителям различных лингвокультур, что обеспечивает их адекватное восприятие и «узнавание» в более поздних произведениях. Универсальный характер религиозных текстов подтверждается и тем, что они включены в мировой литературный канон как тексты, представляющие культурную значимость для многих народов и носителей различных языков [13-15].

Религиозные тексты характеризуются высокой степенью частотности использования, они многократно цитируются, воспроизводятся как в повседневной речи, так и в различных жанрах текста: художественном, газетном, публицистическом. Так, например, в основе многих произведений лежит определенная легенда религиозного происхождения: “Lost Paradise” Дж. Мильтона, “The East of Eden” Дж. Стейнбека, “The da Vinci Code” Д. Брауна, “Medea” К. Вольф, “Ulysses” Дж. Джойса и др. В газетных и публицистических текстах часто

используются фразеологические единицы религиозного происхождения, ставшие своеобразным клише: *alpha and omega, vanity of vanities, daily bread, born again, manna from heaven, etc.* Особенно ярко это прослеживается в использовании фразеологических единиц религиозного происхождения в заголовках, которые способствуют активизации фоновых знаний читателя: *Midas Golden Touch* [The Mirror, 10.05.2010]; *Corruption in Kenya: Feet of Clay* [The Economist, 10.02.2005]; *Pandora Opens More Classical Boxes* [The Washington Post, 24.07.2013].

Следующей сущностной характеристикой религиозных текстов является реинтерпретируемость, т.к. религиозные мотивы воспроизводятся в различных видах искусства: живописи («Грехопадение» Микеланджело, «Мадонна с младенцем» Леонардо да Винчи), музыке («Реквием» Моцарта, «Аве Мария» Шуберта, «Магнификат» Баха) и др. Однако мы считаем, что свойство реинтерпретируемости подразумевает не только способность религиозного текста отражаться в различных видах искусства, но и свойство подвергаться разнообразным интерпретациям, приобретать новые смыслы и ассоциации в разных текстах и лингвокультурах, что и является причиной множественности интерпретаций. Так например, известная прецедентная ситуация о братоубийстве Каина и Авеля в каждом новом произведении подвергается своеобразным интерпретациям: в «Божественной комедии» Данте, Каин несет наказание в аду за зависть, в одноименной мистерии Дж. Г. Байрона, Каин — мятежник, жертва своего неконтролируемого гнева, символ мирской скорби, в произведении Дж. Стейнбека «The East of Eden», Каин выступает прототипом всех, кто лишен отцовской любви, в поэме "Abel et Caïn" Ч. Бaudэлера, Каин символизирует всех угнетенных, в "In A Time For Everything" К. О. Кносгарда, Каин вызывает симпатию читателя, сожалеет о содеянном убийстве и добровольно несет наказание [3].

Одним из важных свойств религиозных текстов (Коран, Библия, Тора) является аксиологическая маркированность, т.к. они представляют ценностную значимость для определенных лингвокультур, объединенных единым вероисповеданием. Ценностное отношение подразумевает совокупность существенных для той или иной культуры смыслов, ценностных доминант, неких идеалов, согласно которым осуществляется оценка поведенческих норм и выявляется отношение носителей определенной культуры к какому-либо предмету или явлению. Так, многие основные мифолого-религиозные понятия, формирующие доминантные концепты языковой картины мира отличаются наличием в их содержании положительных (Бог, рай, ангел) или отрицательных (грех, дьявол, ад) эмоционально-оценочных признаков. Данные признаки проявляются и на уровне художественного текста в котором использован тот или иной фрагмент мифолого-религиозного текста, отличающегося положительной или отрицательной направленностью. Например, образ Иуды, предавшего Иисуса Христа отличается резко выраженным отрицательным характером, что зафиксировано и на уровне фразеологических единиц «тридцать серебрянников», «поцелуй Иуды». Данная библейская легенда репрезентирована в ряде художественных произведений в качестве основного сюжета: «Я, Иуда» Т. Колдуэл и Дж. Стерн, «Иуда Искариот» Л. Н. Андреева, «Последние дни Иуды Искариота» С. А. Герджиса и др. Отрицательные библейские образы также могут использоваться для характеристики отрицательных героев или отрицательных эмоций персонажей: *I felt like Judas* [18]; *A literary Judas, I kissed her and betrayed her. For pieces of silver I dressed her sweet confidences in the pantalettes and frills of folly and made them dance in the market place* [19, p.74]; *Because Judas never was my favorite apostle, Fenton, that's why* [11, p. 379-380].

Следующей значимой характеристикой религиозных текстов является символичность и образность. Собственные имена, сказания, притчи, ситуации из Библии, Корана используя в различных видах текста приобретают свойство выступать в качестве своеобразного символа и способность ассоциироваться с определенным образом, известным представителям различных лингвокультур и хранящимся в системе их знаний. Одним из наиболее репрезентативных языковых единиц в этом плане являются аллюзивные антропонимы религиозного происхождения: (Samson — силач; Judah — предатель, иуда; Jonah — человек, приносящий несчастье; Solomon — мудрый человек; Samaritan — добрый человек).

Например, в произведении А. Мердок “The Unicorn”, автор вводит в текст религиозный антропоним “Methuselah”:

It was nearly six months since he had been there before. But he would find them unchanged. Doubtless they would find him unchanged. He continued to look at himself in the mirror. His youthful appearance always startled people who knew him only by repute. He was still young, of course, in his forties, though sometimes he felt as old as Methuselah. He was certainly young for his achievements, young to be the head of a department [17].

Использование данного аллюзивного антропонима религиозного происхождения в тексте отсылает сознание читателя к известной библейской притче о старейшем праотце человечества — Мафусаиле, прожившем 969 лет. Поэтому, в христианской традиции имя «Мафусаил» приобрело символическое значение «старец». Посредством использования данного религиозного антропонима, автор характеризует эмоциональное состояние персонажа, который несмотря на свою молодость, чувствует себя старым, измотанным, избитым и уставшим от жизни.

Наряду с вышеуказанными характеристиками прецедентной значимости религиозных текстов, особо следует выделить когнитивную значимость мифолого-религиозных текстов. Использование в художественном тексте различных типов языковых репрезентаций прецедентного текста (антропонимов, цитат, аллюзий мифолого-религиозного происхождения) активизирует сознание читателя и осуществляет отсылку к определенной прецедентной ситуации. Иными словами, интертекст, в котором использован прецедентный текст мифолого-религиозного происхождения, содержит глубинную семантическую структуру, отражающую различные типы структур знаний мифологического, религиозного, культурного и др. характера.

Для иллюстрации, рассмотрим фрагмент из рассказа Д. Г. Лоуренса “England, my England” в котором использованы антропонимы мифолого-религиозного происхождения, символизирующих плотскую любовь — Ваал и Астарта:

Had she not her own gods to honour? And could she betray them, submitting to his Baal and Ashtaroth? And it was terrible to her, his unsheathed presence, that seemed to annul her and her faith, like another revelation. Like a gleaming idol evoked against her, a vivid life-idol that might triumph [16].

Использование в тексте антропонимов Ваал и Астарта активизирует структуры знания мифологического характера. Ваал и Астарта (Иштар) — языческие божества древнесемитских народов. Ваал — бог бури, грома и молний, дождя и плодородия. Астарта — олицетворение планеты Венеры, богиня любви и плодородия. Ваал и Астарта олицетворяли собой солнце и луну, являясь богами плодородия. В библейской традиции, имя Ваала стало символическим в значении «лжекумир», имя Астарты образно ассоциируется с культом чувственной страсти.

Посредством использования этих антропонимов, автор показывает чувства героини (боль, печаль, злость, сопротивление своим чувствам), которая считает своего мужа воплощением вожделения и страсти, способным пошатнуть ее религиозные принципы и устои, что также подтверждается использованием многочисленных сравнений и эмотивной оценочной лексики (temptation; like an erect, supple symbol of life; like a supple living idol; was torture to him; was an anguish; like a gleaming idol evoked against her; a vivid life-idol that might triumph).

Все вышеизложенное позволяет сделать выводы о том, что:

- 1) мифолого-религиозные тексты относятся к «ядерному» типу «сильных» текстов так как имеют аксиологическую ценность для мировой культуры;
- 2) тексты мифолого-религиозного происхождения являются одним из наиболее важных источников порождения прецедентных текстов;
- 3) религиозно-прецедентные тексты характеризуются общеизвестностью, частотностью обращения, реинтерпретируемостью, эталонностью, образностью, концептуальной и культурной значимостью.

Список литературы:

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования. М.: Просвещение. 1990. 300 с.
2. Бурова В. Л. Когнитивный аспект мифа в составе художественного текста (на материале англоязычного художественного текста): автореф. дис... канд. филол. наук. М. 2000. 18 с.
3. Галиева М. Р. Отражение религиозной картины мира в пространстве языка и культур // Личность в межкультурном пространстве: материалы VII международной научно-практической конференции. М. 2012. Т. 1. С.129-134.
4. Денисова Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003. 297 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука. 1987. 261 с.
6. Багаева Д. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1997. № 3. С. 62–85.
7. Кремнева А. В. Функционирование библейского мифа как прецедентного текста (на материале произведений Джона Стейнбека): автореф. дис... канд. филол. наук. Барнаул. 1999. 23 с.
8. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М.: Едиториал УРСС, 2004. 272 с.
9. Орлова Н. М. Библейский текст как прецедентный феномен: автореф. дис... д-ра филол. наук. Саратов. 2010. 50 с.
10. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: УРСС, 2003. 224 с.
11. Archer J. Kane and Abel. New York: Fawcett Crest, 1984. 477 p.
12. Ashurova D. U. Text Linguistics. Tashkent: Tafakkur Qanoti. 2012. 204 с.
13. Bloom H. The Western Canon: The books and school of Ages. New York: Harcourt Brace and Company. 1994

14. Mortimer J. Adler, Clifton Fadiman, Philip W. Goetz. Great Books of Western World. Encyclopedia Britannica, 1994.
15. Jauregui J.A. Europa. Tema y Variacioness: la Identidad y Variedad Cultural Europea. Rustica. Ediciones Maeva. 2000.
16. Lawrence D. H. England, my England//Odour of Chrysanthemums and other stories. M.: Progress Publishers. 1977. 293 p.
17. Murdoch I. The Unicorn. London: Triad/Granada Books, 1981. 270 p.
18. Murdoch I. Under the Net. NY.: Penguin Books; Reissue edition, 1977. 256 p.
19. О. Генри. Избранные новеллы. М.: Менеджер. 2000. 304 с.

References:

1. Arnold, I. V. (1990). Stylistics of Modern English Language: Decoding Stylistics. Moscow: Prosvescheniye. 300.
2. Burova, V. L. (2000). Cognitive aspect of myth in literary text (on the material of English literary text). Abstract of PhD dissertation. Moscow. 18.
3. Galieva, M. R. (2012). Reflection of religious world picture in space of culture and language. In Personality in intercultural space: materials of VII International scientific-practical conference, Moscow. 1. 129-134.
4. Denisova, G. V. (2003). In the world of intertext: language, memory, translation. Moscow: Azbukovnik. 297.
5. Karaulov, Yu. N. (1987). The Russian language and linguistic personality. Moscow. Nauka. 261.
6. Bagaeva, D. V., Gudkov, D. B., Zakharenko, I. V., & Krasnih, V. V. (1997). Cognitive basis and precedent phenomena in the system of other units and communication. *Bulletine of Moscow University. Series 9: Philology*, (3). 62-85.
7. Kremneva, A. V. (1999). Functioning of biblical myth as precedent text (on the material of John Steinbeck): Abstarct of PhD. dissertation. Barnaul. 23.
8. Kuzmina, N. A. (2004). Intertext and its role in the process of poetic language evolution. Moscow: editorial URSS, 272 p.
9. Orlova, N. M. (2010). Biblikal text as precedent phenomenon. Abstract of DSc dissertation. Saratov. 50.
10. Prokhorov, Yu. E. (2003). National sociocultural stereotypes of verbal communication and their role in teaching foreign languages to Russian. Moscow: URSS. 224.
11. Archer, J. (1984). Kane & Abel. New York: Fawcett Crest, 477.
12. Ashurova, D. U. (2012). Text Linguistics. Tashkent: Tafakkur Qanoti. 204.
13. Bloom, H. (1994). The Western Canon: The books and school of Ages. New York: Harcourt Brace and Company.
14. Mortimer, J. Adler, Clifton, Fadiman, & Philip, W. Goetz. (1994). Great Books of Western World. Encyclopedia Britannica.
15. Jauregui, J. A. (2000). Europa. Tema y Variacioness: la Identidad y Variedad Cultural Europea. Rustica. Ediciones Maeva.
16. Lawrence, D. H. (1977). England, my England//Odour of Chrysanthemums and other stories. Moscow: Progress Publishers, 293.
17. Murdoch, I. (1981). The Unicorn. London: Triad/Granada Books. 270.

18. Murdoch, I. (1977). Under the Net. NY.: Penguin Books; Reissue edition, 256.
19. O'Henry. (2000). Selected Stories. Moscow: Manager, 304.

*Работа поступила
в редакцию 14.01.2019 г.*

*Принята к публикации
18.01.2019 г.*

Ссылка для цитирования:

Галиева М. Р. Мифолого-религиозный текст с позиций прецедентности // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. №2. С. 311-318. Режим доступа: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/39/43>.

Cite as (APA):

Galieva, M. (2019). Religious-mythological text from the position of precedence. *Bulletin of Science and Practice*, 5(2), 311-318. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/39/43> (in Russian).